

СООБЩЕНИЯ

В. И. Астахова

ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: УКРАИНСКИЙ ВАРИАНТ НАЧАЛА XXI ст.

История возникновения и развития университетского образования неразрывно связана с развитием научной мысли, с приобретением к научному поиску не только тех, кто учит, но и тех, кто учится, уже с первых шагов их студенческой жизни. Не случайно еще М. В. Ломоносов подчеркивал значимость занятий научной деятельностью для студентов и необходимость их теснейшего общения с преподавателями, ведущими научный поиск. А без занятий наукой университетский профессор вообще не мог состояться, как и студент – получить диплом престижного вуза.

В традиционной социальной иерархии университетов профессора всегда были высшей кастой, заслужившей свой привилегированный статус интеллектуальными достижениями, которые и сегодня считаются национальным достоянием в любой цивилизованной стране мира. Сотрудники научно-исследовательских институтов в нашей стране всегда считали за честь получить должность профессора в вузе, создать здесь свою научную школу, формировать из перспективной студенческой молодежи своих учеников и последователей.

Однако с тех пор как в конце XX в. началась повсеместная массовизация университетов и не поступить в вуз стало сложнее, чем в него поступить, поскольку число вакантных мест в вузах в последние годы существенно превысило количество выпускников средних школ, подавляющее большинство элитной молодежи стало растворяться в огромной массе тех, кто по своей природной одаренности, по уровню усердия и мотивированности

не отвечает вековым университетским традициям, – планка требований и к студентам, и к преподавателям стала неуклонно снижаться. Элитный студент по своему индивидуальному поведению близок к профессору, зачастую ищет свой путь в науку и потому всегда находится в поле зрения профессора. Иное дело, когда перед профессором оказывается «толпа», когда у него в аудитории слушают теоретические курсы одновременно 500 и более человек, уровень обучаемости которых крайне неоднозначен, тогда дистанция между слушателями и профессором становится труднопреодолимой. Поэтому в профессорско-преподавательском составе (ППС) начала быстро увеличиваться доля так называемых «инструкторов». В западной университетской традиции instructor – это «чистый» преподаватель, который обеспечивает основную нагрузку на массовых программах бакалавриата и не участвует в научных исследованиях. Он не подходит под определение academic. «Академик» – это классический профессор, имеющий собственную научную школу или конкретно участвующий в чьих-либо научных исследованиях. «Инструктор» же заменяет научную работу учебной нагрузкой, отработывая на практических занятиях отдельные программные положения, изложенные профессором во время лекций. Да и непосредственно состав профессоров и доцентов в вузе стал качественно иным. Реальная профессура (academics – главы научных школ и их ближайшие соратники) либо ушла из университетов, либо состарилась. Значительная коммерциализация университетов породила такое печальное явление как откровенная коррупция, сопряжённая с охватившим большинство украинского студенчества явлением, которое на Западе называют cheating – мошенничество – это списывание, плагиат, подготовка студенческих научных работ за соответствующую оплату и т. п. В образовательной среде западных стран любой факт мошенничества ведёт к немедленному отчислению из учебного заведения, будь то студент или профессор. У нас же университетский этос уже не фильтрует, а инфицирует окружающую среду своим отношением к обучению и науке.

Такие существенные изменения в составе и студенческого

контингента, и профессорско-преподавательских кадров неизбежно порождают трудноразрешимые вопросы.

Во-первых, кого мы учим и для чего?

Сегодня мы учим практически более 70% выпускников школ. Эта ситуация для большинства опытных преподавателей, для системы управления, для традиционных образовательных технологий и характера организации учебного процесса совершенно новая. И реагировать на неё мы пока никак не научились. Тем более, что качество подготовки в школе тоже катастрофически снижается. И в этих условиях уже о «вовлечении в науку» говорить просто не приходится.

И цели обучения у нас тоже существенно изменились. Теперь учим для личностной реализации, для повышения конкурентоспособности и инновационного потенциала человека, для того, чтобы подготовить его к жизни и труду в скоропалительно меняющемся мире.

Арсенал средств и технологий, который появился в современной педагогической деятельности, очень расширился. Мы об этом тоже знаем очень мало. А тут еще произошедший во многих странах сдвиг парадигмы от образования-просвещения к образованию-вовлечению, о котором тоже у большинства вузовских работников крайне слабое представление.

Самое главное сегодня – это освоение технологий получения знаний. На деле же получается так: мы учим тому, что знаем сами. Мы занимаемся тем, что передаем в готовом виде те знания и умения, которые когда-то получили и накопили, и требуем воспроизводящего усвоения их студентами. Но это совсем не то, что требуется сегодня для качественной подготовки.

А кто учит? Это, пожалуй, самый большой вопрос. Чем характеризуется и всегда характеризовался уровень любого университета? Качеством профессорско-преподавательского состава, его активной вовлеченностью в фундаментальные и прикладные исследования и разработки. Это качество создаётся десятилетиями и является, пожалуй, одним из самых ценных и легко растрачиваемых фундаментальных элементов полноценного университетского образования.

А что мы имеем сегодня? Во-первых, резкое постарение и сокращение научных и педагогических кадров.

В среднем способность к инновациям с возрастом заметно снижается. В условиях незначительных и постепенных изменений это не столь важно, а вот при быстрых изменениях, как это происходит сейчас, эта способность (или ее отсутствие) становится просто критической. Тем более, что процесс постарения кадров и сокращения кадрового состава и в сфере образования, и в сфере науки идет повсеместно и убыстряющимися темпами. Цифра эта достигает 20–30% за последние десять лет. За исключением отдельных областей гуманитарной науки (социология, история, филология), в целом по различным источникам численность научных кадров составляла в 2004 г. от 70 до 80% по сравнению с 1994 годом. К 2014 году она сократится до 50% [1, с. 63].

Но это будет уже совсем другая генерация учёных и педагогов, которых отличают другие профессиональные и личностные характеристики. Прежде всего индивидуализм, исключая возможность существования научных школ в их исконном смысле, диктующий радикальный пересмотр всей системы ценностей, ещё совсем недавно представлявшихся практически незыблемыми. Одной из первых жертв в этом процессе пересмотра ценностей оказывается мораль. Утрата моральных принципов особенно болезненна для научно-педагогических коллективов, призванных своим существованием формировать моральные устои будущего общества [2].

В условиях, когда социальные начала становятся всё менее значимыми, когда культивируется «индивидуализированность» социума (каждый за себя, один бог – за всех), общество пропитывается антигуманизмом, а человек становится всё более дезориентированным и беспомощным. Отсюда жестокость, агрессивность, аполитичность, размывание чувства долга, утрата гражданской ответственности за результаты своего труда, отказ от долгосрочных целей и стремление к сиюминутным достижениям. Но всё это никак не вписывается в понимание серьёзных научных исследований.

И наука в этих условиях, естественно, деградирует. Мы

теряем вузовскую науку, без которой хиреет, становится пустым и легковесным образование. Мы теряем вековые научные школы, связь с научно-исследовательскими институтами, поскольку молодежь заниматься наукой в истинном понимании этого слова не хочет вообще, как, кстати, и вести преподавательскую работу. А не хочет потому, что и то, и другое требует огромного труда, не всегда дающего сиюминутный результат и, главное, желаемые доходы.

Еще в XIX в. К. Маркс объяснял, что в науке нет широкой столбовой дороги и только тот достигнет её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам. А карабкаться сегодня не хочет уже никто, потому что есть масса более современных способов обеспечить себе безбедное существование. Но пока мы не остановим систему абсолютной профанации воспроизводства науки и научных кадров, сложившуюся за последние 20 лет и особенно наглядно проявляющуюся в Украине (купля–продажа дипломов и учёных степеней, даже подготовка школьных работ на конкурсы Малой академии наук, один из самых высоких в мире показатель компилятивности научных публикаций, и т. д., и т. п.), все остальные попытки интеграции науки и образования не дадут результата.

Но сама по себе интеграция науки и образования является процессом объективным, властно требующим находить выход из сложившейся ситуации. В чём же видятся сегодня конкретные задачи? Во-первых, незамедлительное изменение положения с обучением и воспитанием в общеобразовательной школе, где уровень подготовки выпускников стал не просто низким, а бесстыдно низким. Что называется, ни читать, ни писать, ни считать, ни даже двух слов связать. Естественно, что при таком положении работать в вузе прежними методами, в том числе и вовлекать студентов в научную деятельность, становится всё менее реальным, тем более что и вовлекать-то особенно никто не торопится.

Значит, если наипервейшей задачей сегодня является возможность получения каждым качественного образования, то

для её решения необходимо как минимум сформировать потребность в этом – не в обретении вождельных «корочек», а в получении статуса образованного, культурного человека, подготовленного к профессиональной деятельности на уровне современных требований.

Качественное образование в любой цивилизованной стране является национальным приоритетом и обязательным условием выполнения положений международного и национального законодательств по реализации прав граждан на получение образования. Обеспечению качества образования должны быть подчинены все материальные, финансовые, кадровые и научно-методические ресурсы общества, государственная политика в сфере образования. Высокое качество образования предполагает его органическую взаимосвязь с наукой, с педагогической теорией и практикой. Без этой взаимосвязи достижение цели не осуществимо.

Задача эта исключительно сложная, особенно для Украины, где государственная политика в сфере образования крайне непоследовательна и неэффективна, а вопросы дальнейшего развития этой сферы до предела заполитизированы. К тому же качество образования – это, в первую очередь, педагогические кадры, уровень которых существенно снизился и которых даже на таком уровне остро не хватает. И дело не только в том, что государство до сих пор не сумело решить проблему достойной заработной платы преподавателей. Очевидно, что качественное образование требует высоких затрат, и если их недостаточно, то качество неизбежно снижается.

Средняя зарплата остепенённого доцента (Associate Professor в англосаксонской модели университета) должна не менее, чем вдвое превышать среднюю заработную плату по экономике. Средняя зарплата учителя в школе и ассистента в университете должна быть не ниже средней по экономике. Там, где это выполняется, идет развитие образовательной системы. Это соотношение неукоснительно выполнялось в СССР, оно выполняется в большинстве развитых стран (и в ещё большей степени – в странах развивающихся).

Если взглянуть на мировую практику, общепринятыми являются требования по объёмам научно-исследовательских работ, выполняемых одним преподавателем. Ни в один американский исследовательский университет не примут на постоянную работу профессора, у которого годовой объём научных грантов ниже его годовой зарплаты. Аналогичные требования выдвигаются и по количеству публикаций, индексируемых международными наукометрическими базами данных, в противном случае считается, что год пропал зря [3, с. 3–10]. Это и есть конкретная интеграция образования и науки.

У нас, к сожалению, подобная система пока не сложилась. Не получая должной финансовой поддержки от государства, наши педагогические работники обеспечивают себе материальный достаток зачастую откровенно уродливыми формами. Значит, дело сегодня – в кардинальном изменении всей системы воспитания воспитателей, в формировании новой генерации высокообразованных и высокоморальных учителей, ибо только учитель сегодня ещё может успеть удержать человеческое в человеке.

И ещё одна составляющая, без которой нельзя говорить о качественном образовании, – это осуществление кардинальных структурных преобразований образовательной системы, создание научно обоснованной, сориентированной на перспективу сети учебных заведений, которая по уровням подготовки, типам образовательных учреждений, формам и срокам получения образования, источникам финансирования удовлетворяла бы интересы личности, потребности каждого региона и государства в целом.

Тенденции, проявляющиеся в национальной системе образования Украины во втором десятилетии XXI века, внушают определённый оптимизм и позволяют говорить об успешных попытках продвижения Украины по пути преодоления кризисных явлений в образовании и науке, по пути возрождения страны в целом.

Список литературы

1. Гришина Е. А. Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации / Е. А. Гришина // Социол. исслед. – 2008. – № 3. – С. 60–70.

2. Иноземцев В. Зигмунт Бауман и его «индивидуализированное общество» / В. Иноземцев // Высш. образование в России. – 2004. – № 1. – С. 142–145.

3. Белоцерковский А. В. Практика модернизации / А. В. Белоцерковский // Высш. образование в России. – 2012. – № 7. – С. 3–10.

Е. В. Астахова (мл.)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И РЫНКА ТРУДА В НОВЫХ СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Образование – важнейшая составляющая развития и процветания государства. Сегодня, в условиях экономической глобализации, образование рассматривается как фактор производства, влияющий на производительность, объемы ВВП, возможность привлечения капитала, на развитие конкуренции и создание рабочих мест.

Всемирная глобализация постепенно проникает во все сферы жизни, в том числе и в сферу образования. Тенденции, которые приводят институт образования многих стран на путь всемирной глобализации, связаны в равной степени с изменениями целей, задач, функций, содержания, средств и форм образования, различных типов и видов учебных заведений. Практически каждый институт образования формирует перспективы рынка труда, предопределяя возможности повышения производительности труда, восполнения и усовершенствования человеческого капитала.

Вопросы глобализации образовательного пространства рассмотрены в работах как отечественных, так зарубежных авторов: Ф. Альтбаха, Дж. Найта, Р. Патори, П. Скотта, Л. Одерия, Л. Вербицкой, М. Степко, Е. Губского, О. Сагиновой. Многие выделяют три основных направления интеграции рынков образовательных услуг:

1. Подписание Великой хартии университетов.